

УДК 930.9:327
ББК 63.3(0)-6

**«Дети тьмы» и «международное общество»:
колониальная политика в оценке Английской школы
международных отношений**

В.В. Миронов

Омский государственный университет (Омск, Россия)

**«The Children of Darkness» and «International Community»:
Colonial Policy from the Perspective of the English School
of International Relations**

V.V. Mironov

Omsk State University (Omsk, Russia)

Статья посвящена оценке роли колониальной политики в работах историков Английской школы международных отношений. Цель статьи – выделить основные этапы в изучении колониальных проблем в концепции международного общества и показать специфику оценок колониализма в историографическом аспекте. Источниками работы выступили тексты ведущих представителей данного научного сообщества. Проведенный историографический анализ показывает наличие трех этапов в изучении колониальной проблематики в Английской школе международных отношений. Они отражают как процессы исторического развития Великобритании во второй половине XX в., так и внутреннюю линию эволюции концепции школы. На первом этапе (1950–1970 гг.) колониальная проблематика не имела самостоятельного значения для анализа международных отношений. Второй период (1980–1990 гг.) характеризуется признанием колониальной политики в качестве института развития международного общества в истории, хотя оценивается противоречиво. Третий – современный этап – показывает важную роль бывших колоний в структуре современного международного общества. В статье проанализированы ключевые аргументы в оценке роли колоний для каждого этапа на материале работ ведущих представителей сообщества. Главный вывод статьи состоит в том, что способность изменить отношение к колониализму в анализе международного общества объясняет рост интереса к концепции школы в современных странах Азии.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений, международное общество, колониализм, Х. Булл.

The article is devoted to the evaluation of the role of colonial policy in the works of historians of the English School of international relations. The aim of the article is to highlight the main stages in the study of colonial problems in the concept of international society and to show the specifics of the evaluation of colonialism in the historiographic aspect. The sources of the work were texts of leading representatives of this scientific community. The historiographical analysis shows that there are three stages in the study of colonial issues in the English School of international relations. They reflect both the processes of historical development of Great Britain in the second half of the 20th century, and the internal line of evolution of the school concept. At the first stage (1950-1970), the colonial problem did not have an independent significance for the analysis of international relations. The second stage (1980-1990) is characterized by the recognition of colonial policy as an institution for the development of international society in history, although it is evaluated inconsistently. The third stage is modern and it shows the important role of the former colonies in the structure of modern international society. The article analyzes the key arguments in assessing the role of colonies for each stage based on the work of leading representatives of the community. The main conclusion of the article is that the ability to change attitudes to colonialism in the analysis of international society explains the growing interest in the concept of school in modern Asian countries.).

Key words: English School of international relations, international society, colonialism, H. Bull.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-05

Английская школа международных отношений получила известность в силу оригинальной концепции международного общества, развиваемой с 1960-х гг. уже тремя поколениями исследователей. Несмотря на скромное место в современной теории международных отношений, число сторонников Английской школы со временем растет. Этот рост в первую очередь обусловлен развитием и приобщением к идеям сообщества ученых из других стран. Любопытно, что страна, которая в свое время создала «империю, в которой никогда не заходило солнце», сумела со временем обеспечить большее доверие к своей науке со стороны ряда бывших колоний, чем страны, которые отрицали колониализм в своей истории и внешней политике. Колониальный аспект концепции международного общества в этом качестве интересен тем, что его эволюция показывает метаморфозы восприятия идей Английской школы в постколониальном мире.

В основе отношения к колониям в концепции школы лежит понятие «международное общество». Классическое определение международного общества было сформулировано Х. Буллом. В 1977 г. он писал: «...международное общество образуется тогда, когда группа стран, осознавая общность базовых интересов и ценностей, формирует сеть общих правил, норм и институтов» [1, р. 13–14]. Параллельно существует понятие «международная система». Система, в отличие от общества, формируется на основе общих интересов, ценностей и политической культуры стран [1, р. 10]. Система представлялась Х. Буллу, с одной стороны, более аморфным аналитическим инструментом в исследовании международной жизни, чем международное общество, с другой – она также выступала фактором, показывающим существование порядка и преодоление анархии в международных отношениях. Не все участники Английской школы были солидарны с булловским пониманием ключевых концептов, но вектор развития школы в 1960–1970-х гг. задавал именно его подход.

Центральным аспектом анализа роли колоний был вопрос об их участии в международном обществе. В целом, можно выделить три этапа в определении места колоний в структуре международного общества в истории Английской школы международных отношений.

Первый этап пришелся на период 1950–1970-х гг. Это время становления концепции Английской школы. Колониальная проблематика не играла существенной роли в разработке концепции сообщества, но уже тогда проявилось специфическое отношение к колониям, которое со временем необходимо было преодолеть ради дальнейшего научного развития.

Точка отсчета в понимании места колоний в международном обществе была определена еще

Ч. Мэннингом – первым профессором по международным отношениям в Великобритании. Его считают одним из идейных создателей Английской школы. У него не было работ, специально посвященных колониям, но объектом его научных интересов была Лига Наций. Для него международное общество было почти тождественно обществу государств, принимавших участие в работе данной организации. По сути, международное общество для Ч. Мэннинга – это сообщество цивилизованных, как тогда говорили, стран, разделяющих в отношениях между собой определенные ценности, в первую очередь международное право, поскольку его нормы есть не что иное, как квинтэссенция практики взаимодействия европейских стран.

Собственно, работа в Лиге Наций и была у Ч. Мэннинга исходной точкой развития интереса к международным отношениям. В 1920-х гг. он работал в штате сотрудников Международной организации труда, а затем личным помощником Генерального секретаря Лиги. Как это было свойственно и для Р. Нибура, Ч. Мэннинг в зависимости от членства в Лиге Наций делил государства на «детей света» и «детей тьмы» и полагал, что международные институты помогают вторым избежать ошибок первых [2, р. IX]. Иначе говоря, он искренне полагал, что международные отношения можно улучшить: «Как жизнь людей улучшается совместными усилиями, так и жизнь наций обогащается через освобождение и гармонизацию внутри международного сообщества государств» [3, р. 153]. Отсюда следовал вывод о том, что общее понимание международных отношений должно строиться на основе коллективной международной справедливости, олицетворением которой для ученого в межвоенный период служила Лига Наций. Ч. Мэннинг также отмечал, что правила международного порядка исторически определялись великими державами, а Лига помогает преодолеть недостатки подобного великодержавного подхода. Ученый писал в 1932 г.: «По моему глубокому убеждению, если все члены международного общества примут Лигу Наций, как это сделали британские доминионы и Канада, то мир будет безопаснее, чем он есть сейчас» [3, р. 152]. В этом смысле во взглядах ученого выстраивалась некая иерархия стран по отношению к деятельности ведущего международного института: участники Лиги Наций; независимые государства, не принимающие участия в ее работе; зависимые территории, колонии и доминионы.

В послевоенный период, однако, Ч. Мэннинг не разделял подобного оптимизма в отношении ООН, а процесс деколонизации воспринял едва ли не как личную драму. В частности, он активно критиковал позицию Международного суда за осуждение политики ЮАР. По происхождению ученый

был выходцем из этой страны, долгое время возглавлял Южноафриканское общество. Считал, что связь между странами, говоря современным языком, обеспечивала людям его круга вертикальную социальную мобильность. В 1960–1970-е гг. он даже опубликовал ряд публицистических статей с говорящим названием «В защиту апартеида!» и считал до конца своих дней, что лучше всех представляет действительное положение дел в Африке. ООН для ученого была бессмысленным собранием многочисленных государств, а не клубом наиболее развитых стран, определявших нормы и ценности международного общества. Таким образом, Ч. Мэннинг заложил и до конца жизни отстаивал цивилизаторский взгляд на колониальную политику, что в целом отражало реалии международной жизни в первой половине XX в., специфику отношений между колониями и метрополией.

В целом, первое поколение представителей Английской школы международных отношений в 1960-х – начале 1980-х гг. мало интересовалось колониальными вопросами, что объясняется концентрацией внимания к структурной составляющей в анализе международного общества, акцентом в изучении ключевых международных институтов. На этом этапе колонии не рассматривались как участники международного общества. Само представление о международном обществе строилось на историческом видении европейской политики и межгосударственных взаимодействиях великих держав. Данное обстоятельство очень хорошо демонстрировало желание европейцев считаться с собственными интересами на фоне сложных кризисов в международных отношениях 1950–1960-х гг. Английская школа изначально формировалась с сильным ощущением собственной исключительности на фоне наработок американской теории международных отношений того периода, а события того времени подталкивали к формированию собственной научной и общественной идентичности.

Второй этап в развитии интереса к колониальной проблематике приходится на 1980–1990-е гг. и был связан с попыткой совершенно осознанного формирования сети учеников и приобщения новой генерации исследователей-международников к дальнейшей разработке концепции. Ключевой точкой на данном этапе выступила вторая коллективная монография «Экспансия международного общества», которая продемонстрировала определенный раскол во взглядах ученых на колониализм.

Центральным в книге стал вопрос, как по существу европейское международное общество распространилось на другие страны и приобрело глобальный характер? При ответе на данный вопрос в монографии проявились две позиции, которым сами участники изначально не придали особого значения. Исследование было основано на проблемно-

страноведческом принципе и отражало метод кейс-стади.

Первую позицию представляли в основном первоначальные участники Британского комитета по изучению международной политики – так изначально идентифицировали себя участники школы. Эта линия была представлена в эссе М. Ховарда, А. Уотсона, Д. Гилларда и даже Х. Булла, который не являлся историком по образованию. Сводилась эта позиция к тому, что колониализм был исторически закономерным и неизбежным этапом развития европейской международной системы и впоследствии глобального международного общества. По степени категоричности оценок колониализма аргументы ученых были разные. А. Уотсон обращал внимание на то, что колониальная политика не была ни регулярной, ни систематической [4, р. 13–32]. М. Ховард дополнил эту идею тем, что преобладание европейцев в международных отношениях объяснялось не столько военным, сколько экономическим и технологическим доминированием стран «Старого света» в ходе колониальной экспансии, что и обеспечило успех колониальной политики [5, р. 32–42].

Г. Гонг ставил акцент на так называемых стандартах цивилизации при заключении неравноправных договоров, показывая тем самым не только насильственные механизмы подключения к международной системе [6, р. 15–46]. Апофеозом данной линии выступило эссе Д. Гилларда, который вообще полагал, что в колониализме виноваты сами колонизируемые. Они не были способны адекватно оценить ситуацию и силы европейских стран и бросили вызов тем, кто в целом был изначально заинтересован в установлении и развитии торговых отношений [7, р. 87–97].

Другая позиция была представлена молодой генерацией исследователей (Г. Гонг, Х. Суганами, а лидером новой точки зрения на участие колоний в международном обществе стал Р. Дж. Винсент). Квинтэссенция позиции состояла в том, что в ходе колониальной политики наблюдалось и обратное воздействие колонизируемых на нормы и ценности европейского международного общества. Это подтверждалось кейсами вхождения и участия в нем России, Китая, Японии, Османской империи и проблематикой прав человека.

Россия, изначально не будучи участницей европейского международного общества, стала со временем одним из ключевых игроков в нем, а в XIX в. создателем его норм и институтов. К середине XIX столетия активную колониальную политику России даже приходилось сдерживать, как и в XX в. Именно в силу российского фактора европейские страны приняли вначале в международную систему, а затем и в международное общество Османскую империю. Эта страна, географически будучи европейской, долгое время не считалась в силу своих

цивилизационных отличий участницей ни международной системы, ни европейского общества. Парижский трактат 1856 г. впервые дал стране гарантии как участнице европейской международной системы [8]. Со временем, в XX в. она стала и членом международного общества.

Как японский, так и китайский кейсы демонстрировали насильственное подключение государств Азии к международному обществу. Япония оказалась «хорошим» учеником, приняв нормы европейского права и дипломатии. Она уже к концу XIX – началу XX в. обеспечила себе полноправное членство в международной системе: участие в колониальной политике в отношении Китая, заключение англо-японского договора 1902 г., выигрыш в Русско-японской войне, участие в Первой мировой войне – все это маркеры развития страны как члена международной системы. Попытка же пересмотреть нормы международного общества закончилась для страны поражением во Второй мировой войне [9, р. 185–199].

Китай, напротив, долгое время не принимал и не разделял ценности и нормы международного общества, в силу чего вошел в него в XIX в. как зависимая держава с серьезными внутренними проблемами. Во второй половине XX в. подъем Китая показывает перспективы развития международного общества в глобальном масштабе без конфронтации с бывшими обидчиками. Расовая эмансипация, крушение колониализма, членство в Совете безопасности ООН создают возможности для участия страны в международном обществе и демонстрируют готовность включения Китая в современное международное общество [10, р. 172–183].

Наиболее провокационным эссе в рамках этой второй линии анализа выступала статья Р. Дж. Винсента о расовом равенстве. Автор настаивал на том, что это требование было как раз результатом участия колоний и зависимых территорий в функционировании международного общества. Япония в начале XX в. разгромом России в войне на практике показала победу «небелой» страны над «белой», а деятельность Лиги Наций и ООН, напротив, выступали определенными вехами расового эгалитаризма в XX столетии. Итогом этого процесса стал рост международного общества от европейского к глобальному [11, р. 239–254].

Как результат появления двух линий анализа процесса экспансии авторы монографии пришли, в общем-то, к привычному для исторических работ выводу: единство исторического процесса не исключает многообразия вариантов его протекания в конкретных случаях. Таким образом, на этом этапе при разности позиций ведущих участников Английской школы, двойственности оценки колониальной политики, сам колониализм стал восприниматься закономерным эта-

пом в развитии международного общества. И хотя тогда не все участники Английской школы признавали эту позицию, но сегодня колониальная политика считается не просто фактором развития, но и историческим институтом международного общества, помимо пяти классических его институтов, о которых Х. Булл писал в 1970-х гг. [1]. Как минимум, уже в 1980-х гг. нейтральный по звучанию термин «экспансия» стал мягким синонимом слова «колониализм» в дискурсе Английской школы.

Наступление нового этапа было предопределено рядом объективных и субъективных факторов. В объективном смысле к концу 1970-х гг. первоначальная повестка школы оказалась исчерпанной работами Х. Булла по анализу структуры международного общества. Произошло изменение формата изучения международных отношений в стране. Они более не выступали пределом забот только лиц аристократического происхождения и выпускников элитарных университетов в Великобритании. Появились влиятельные журналы, вроде «Миллениума», которые спланировали ученых-международников в научное сообщество. В субъективном отношении этот период характеризуется уходом из школы представителей первого поколения (М. Уайт, Г. Баттерфилд, Ч. Мэннинг). Кроме того, на данном этапе внутри школы появляется устойчивый интерес к современному международному обществу, условиям его дальнейшего развития. В этих условиях проблематика колониализма стала играть важную роль в концепции сообщества. Пик процесса деколонизации для Великобритании пришелся на 1950–1960-е гг. Спустя поколение, к середине 1980 гг., ученые в Великобритании приняли эту реальность и стали относиться к утрате колониальной спокойнее. Тем более, что колониализм в международном праве с 1960-х гг. стал рассматриваться в качестве преступления.

Третий этап трансформации отношения участников Английской школы к оценке роли колоний наступает на рубеже XX–XXI вв. Базовым процессом, определяющим развитие научного сообщества, стали так называемые плюралистско-солидаристские споры, которые поставили вопрос о границах применения концепции. Солидаристы настаивают на дальнейшей трансформации международного общества в сторону общества мирового. Отсюда акцент ставится на таких институтах, как права человека, проблема гуманитарной интервенции, новый международный порядок, экономические перспективы развития современного мира, гендерный вызов и т.д.

Плюралисты, напротив, рассматривают современный международный порядок в традиционных для Английской школы терминах международного общества. В центре их представлений о международных отношениях по-прежнему находится госу-

дарство. Однако, чтобы международное общество оставалось устойчивым, традиционные институты внешнеполитического взаимодействия должны быть дополнены современными представлениями о справедливости. Исключительность современного международного общества состоит еще и в том, что сегодня оно достигло глобальных размеров. Его участниками выступают все страны, а не только те, что считаются цивилизованными. Поэтому и нормативный диалог внутри глобального международного общества должен идти на иной основе ради преодоления новой анархической природы международных отношений. Падение колониализма как раз выступает примером воплощения исторической справедливости в развитии международного общества.

Показательно в этом отношении творчество Р. Джексона – канадского сторонника школы и одного из ярких современных ее представителей. Сам он начинал заниматься колониальной проблематикой в 1970-е гг. и считал, что страны Африки не готовы к участию в международном обществе. Они внутренне разобщены, имеют неустойчивую структуру общества, что своеобразно проецируется на внешнеполитические интересы и отсутствие региональных международных институтов [12]. Развитием и апофеозом этой позиции послужила его книга, изданная в 1983 г., с говорящим за себя названием «Квазигосударства» [13]. Однако спустя время ученый диаметрально меняет свою позицию и пишет о том, что сегодня возможно создание так называемого глобального пакта – некоего нормативного консенсуса по ключевым вопросам международной жизни, в котором должны принять участие все страны [14, р. 16–17]. Правда, основой этого пакта для исследователя выступает не столько Устав ООН, сколько Хельсинские решения 1975 г. [14, р. 17]. Но важен сам факт изменения отношения ученого к проблеме. Бывшие колонии не выступают более реципиентами цивилизационных усилий со стороны развитых государств, как это было на первом этапе существования

Английской школы. Их участие в международном обществе не рассматривается и как амбивалентный феномен, что было свойственно для второго периода развития концепции. Колониализм сегодня считается не просто исторически неизбежным институтом, но закономерно завершенным процессом в ходе становления глобального международного общества XXI в. Участие бывших колоний в нем выступает критически важным условием для понимания современной социальной природы международных отношений и залогом дальнейшего развития международного общества перед лицом угроз и вызовов XXI в. Отсюда формулируется повестка изучения новой международной легитимности.

Таким образом, «переживание» из-за деколонизации мира, породившее резкие и не всегда научные оценки в школе 1960–1980-х гг., сегодня можно считать завершенным. Более того, на фоне идей однополярного мира, концепций унитаризма, гегемониальной стабильности и других подобных теорий, распространенных в американской науке о международных отношениях последних тридцати лет, дискурс Английской школы международных отношений воспринимается как более обоснованный и научный. Американский теоретический мейнстрим либо в неореалистской версии, либо в виде неолиберального институционализма, воспринимается в современных государствах Азии и Африки как неоколониальный проект. Он по-прежнему ставит национальные интересы развитых государств в центр изучения международной проблематики. На этом фоне готовность к обсуждению колониального прошлого в рамках широкой и более гибкой модели изучения международного сотрудничества, осознанное подключение к обсуждению концепции исследователей из азиатских стран делает дискурс Английской школы международных отношений сегодня востребованным, а само научное сообщество демонстрирует рост числа сторонников именно за счет диффузии идей в бывшем колониальном мире.

Библиографический список

1. Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York, 1977.
2. Manning C.A.W. *The Nature of International Society*. London, 1975.
3. Manning C. *The Politics of British Dominions in the League of Nations*. London, 1932.
4. Watson A. *European International Society and Its Expansion // The Expansion of International Society*. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.
5. Howard M. *The Military Factor in European Expansion // The Expansion of International Society* Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.
6. Gong G. *The Standard of “Civilizations” in International Society*. Oxford, 1984.
7. Gillard D. *British and Russian Relations with Asian Governments in the Nineteenth Century // The Expansion of International Society*. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.

8. Парижский трактат от 30 марта 1856 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/paris.htm> (дата обращения: 02.12.2015).

9. Suganami H. Japan's Entry into International Society // The Expansion of International Society. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.

10. Gong G.T. China's Entry into International Society // The Expansion of International Society. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.

11. Vincent R.J. Racial Equality / R.J. Vincent // The Expansion of International Society. Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984.

12. Jackson R. Plural Societies and New States. A Conceptual Analysis. Berkley, 1977.

13. Jackson R. Quasi-State: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, 1993.

14. Jackson R.H. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford, 2000.